РАЗДЕЛ XXXV. ПОЛИТОЛОГИЯ

Шлюндт Н.Ю.

Влияние финансовой интеграции мира на государственный суверенитет: анализ политических последствий*Ставропольский филиал ФГБОУ ВО «Московский педагогический государственный университет»**(Россия, Ставрополь)*

doi: 10.18411/lj-04-2021-305

Аннотация

В статье проводится анализ политических последствий финансовой интеграции мира. Используя теорию политического детерминизма, автор прослеживает тот факт, что финансовая интеграция мира есть следствие деятельности ряда государств и доминирующих в них групп интересов. Особое внимание уделяется сформировавшемуся глобальному финансовому пространству, которое, приводит к размыванию государственного суверенитета, и появлению финансовой метрополии и финансовой колонии.

Ключевые слова: финансовая интеграция мира, государственный суверенитет, финансовая метрополия, финансовая колония, внутренний суверенитет, внешний суверенитет, статусный суверенитет, функциональный суверенитет, политические последствия.

Abstract

The article analyzes the political consequences of the financial integration of the world. Using the theory of political determinism, the author traces the fact that the financial integration of the world is a consequence of the activities of a number of states and the dominant interest groups in them. Special attention is paid to the formed global financial space, which leads to the erosion of state sovereignty, and the emergence of a financial metropolis and a financial colony.

Keywords: financial integration of the world, state sovereignty, financial metropolis, financial colony, internal sovereignty, external sovereignty, status sovereignty, functional sovereignty, political consequences.

С точки зрения геофинансовой теории, финансы представляют собой ограниченный ресурс, в котором нуждаются все государства, поскольку он дает им возможность самостоятельного развития и параллельно защиту от его же недружественного использования другими государствами. Как следствие, государства, задающие правила игры в финансовом пространстве, государства финансовой метрополии, приобретают дополнительный рычаг влияния на государства, вынужденные следовать этим правилам игры, на государства финансовой колонии. Сила этого рычага прямо пропорциональна степени интернационализации финансовых рынков. Поэтому финансовая метрополия заинтересована в свободной циркуляции капиталов, а также распространении тех теорий, доказывающих ее целесообразность. Интернационализированные финансовые рынки превращаются для нее в своеобразную среду, связывающую политические решения финансовой колонии с ее собственными решениями. У финансовой колонии, в свою очередь, остаются две поведенческие альтернативы: сохранять статус-кво, следуя правилам игры, либо повышать герметичность своего финансового рынка, стремясь понизить политические издержки зависимого положения.

Поэтому неизменное центральное положение в общей геоэкономической теории занимает продолжающаяся финансовая интеграция мира, под которой понимается процесс устранения всевозможных препятствий и барьеров на пути трансграничного перемещения капитала.

Конечно, интеграционные объединения, которые давно считаются нормой в развитии мирового хозяйства, помогают решать множество проблем в экономике и хозяйственных связях между государствами. В конечном итоге, весь данный процесс должна оправдывать его генеральная цель – получение максимальных дополнительных преимуществ: экономия на торговых пошлинах и тарифах, увеличение налоговых поступлений в бюджеты стран-участниц, удешевление и упрощение экономических контактов для бизнеса, и многое другое.

Но при этом, следует обратить внимание и на тот факт, что финансовая интеграция мира неизбежно влечет ряд политических последствий. Прежде всего она подрывает способность государства контролировать финансовые трансграничные обмены и выполнять традиционные функции в области безопасности и благосостояния. Дж. Эгнью сравнивает государство с большим «территориальным контейнером»[1], который к настоящему моменту дал течь. По словам Р. Гилпина, «в высоко интегрированной глобальной экономике государство, согласно некоторым оценкам, сдает свои позиции, становясь анахронизмом»[2]. С. Сассен позже замечала, что процессы, происходящие сегодня в глобальной экономике, денационализируют все то, что создавалось когда-то как исключительно национальное[3].

Говоря иначе, финансовая интеграция мира размывает государственный суверенитет финансовой колонии (при этом некоторой степени суверенитета лишается и сама метрополия). Существует четыре типа суверенитета[4], каждый из которых подвергается негативному воздействию финансовой интеграции. Внутренний суверенитет – это способность правительства того или иного государства принимать властные решения, не оспариваемые никакими другими силами в границах собственной территории. Такое понимание суверенитета восходит к Ж. Бодену и Т. Гоббсу. Ж. Боден, будучи непосредственным свидетелем европейских религиозных войн, подрывавших стабильность существовавших тогда политий, настаивал на необходимости формирования правительств, обладавших легитимностью, другими словами правительств, признаваемых таковыми всеми членами политий, независимо от их религиозной принадлежности. По его мнению, на отдельной территории должно существовать одно единственное верховное правительство, принимающее все важнейшие решения и при этом защищенное от попыток своего свержения[5]. Развивая идеи о внутреннем суверенитете, Т. Гоббс писал: «Во всяком государстве про того человека или про тот совет, чьей воле отдельные лица подчиняют ... свою волю, говорят, что ему принадлежит высшее могущество, или верховная власть, или господство. Это могущество и право повелевать состоит в том, что каждый гражданин переносит на этого человека или на этот совет всю свою силу и могущество. Сделать это ... значит не что иное, как отказаться от своего права на сопротивление»[6].

Финансовая интеграция угрожает такому типу суверенитета, повышая вероятность внутренних конфликтов и гражданской войны. Она разрывает сложившиеся в рамках отдельно взятого государства экономические связи, ослабляя зависимость различных регионов и социальных групп друг от друга. Со сменой источников дохода, которые теперь находятся не внутри страны, а за ее пределами, уменьшаются потенциальные издержки конфликта и, следовательно, повышается вероятность его начала, продолжения или усугубления[7]. Хотя интеграция приносит странам множество выгод, она, как бы то ни было, делит население на выигравших и проигравших. Открытость стран перед мировыми рынками ведет к повышению социального неравенства, которое, как считается, выступает одной из важнейших причин внутренних гражданских конфликтов. Параллельно финансовая интеграция

мира способствует росту пространственного неравенства, т.е. неравенства между различными регионами одной и той же страны[8]. Высокий уровень пространственного неравенства способствует внутренним конфликтам, касающихся территориального распределения ресурсов, тем самым увеличивая риск сепарации и политической дестабилизации.

Эффекты от финансовой интеграции мира неравномерно распределяются среди членов различных этнических групп, благоприятствуя одним и ухудшая положение других, тем самым усиливая этническое неравенство, т.е. неравенство между этническими группами. Особенно это заметно в странах с самыми низкими доходами, где этнические группы, не занимающие каких-либо политических позиций, полностью лишаются выгод, которые несет с собой процесс глобальной финансовой интеграции. Чтобы сохранить свое привилегированное положение и помещать политической мобилизации, доминирующая этническая группа часто нарушает гражданские и политические права членов всех других групп, интенсифицируя социальные трения, основанные на этнических разногласиях, и повышая вероятность вооруженных этнических конфликтов, что демонстрирует рост их числа в последние десятилетия[9].

Внешний суверенитет – это способность государства принимать властные решения, свободные от внешнего влияния. Никакое государство не может вмешиваться во внутренние дела других государств, поскольку все они обладают монополией на принятие властных решений в рамках своих территорий. Государства утрачивают такой суверенитет, когда принудительно или добровольно отказываются от самостоятельности в принятии властных решений в пользу некоего внешнего центра власти. Впервые такое понимание суверенитета появляется в работах теоретиков XVIII в. Х. Вольфа и Э. де Ваттеля. В 1749 г. Х. Вольф писал, что «вмешательство в дела управления других ... противоречит естественной свободе наций, в силу чего любая нация всецело независима в своих действиях от воли других наций ... Если совершаются подобные вещи, то они совершаются без права на то»[10]. В 1758 г. Э. де Ваттель распространил действие принципа невмешательства и на неевропейские территории: «Испанцы сами назначили себя судьями для Атауальпы. Если бы этот принц нарушил в отношении них право наций, то они могли иметь право наказать его. Но они обвинили его в том, что он приговорил к смерти нескольких своих подданных, что имел несколько жен и пр., т.е. в том, в чем он не был перед ними ответственен; и чтобы скрыть масштабы своей несправедливости, они осудили его по испанским законам»[11].

Финансовая интеграция мира размывает внешний суверенитет, поскольку сопровождающая ее универсализация монетарных отношений превращает любые попытки обретения монетарной самостоятельности, предпринятые какой-либо частью международной системы, в серьезную угрозу для других частей, заинтересованных в сохранении взаимозависимости и ради этого готовых на полноценную интервенцию. Подобные попытки лишают государства, эмитирующие фиатные мировые валюты, мощного инструмента политического влияния, вызывая с их стороны крайне негативную реакцию, игнорирующую суверенные права. В последние годы правления М. Каддафи Ливия предпринимала усилия, направленные на создание новой валюты – африканского золотого динара, ценность которой не зависела бы от количества долларов в государственных резервах[12]. Учитывая огромные запасы золота, которым обладала тогда Ливия, золотой динар мог превратиться в самую могущественную валюту мира, радикально изменив существующий экономический баланс. Если бы африканские государства начали принимать валюту, обеспеченную золотом, то это обернулось серьезными последствиями для всех обремененных долгами западных правительств и нанесло непоправимый ущерб эмитентам мировых фиатных валют. Попытки Ливии ввести золотой динар послужили центральным мотивом внешней

интервенции и свержения ее лидера. Золотой динар угрожал доллару и евро, ставшими эффективным инструментом решения политических задач своих эмитентов. Случай с Ливией показывает, что в финансово интегрированном мире идея внешнего суверенитета утратила свое былое значение, поскольку может помешать монетарной универсализации, отвечающей интересам финансовой метрополии.

При статусном понятии суверенитета последний есть некое свойство правительства, отражающее его признание равноправным участником международных отношений. Общих критериев для признания государства никогда не существовало, ибо этот акт всегда мотивировался политическими соображениями. Признание получали правительства, которые даже не контролировали территорию, на которую они претендовали. В 1936 г. Германия и Италия признали правительство Ф. Франко, а в 1970 г. США признали правительство Л. Нола. В других случаях правительства не получали признания, даже осуществляя достаточно эффективный контроль над своими территориями. В XIX в. Британия отказывалась признавать новые латиноамериканские правительства еще в течение десятилетия после того, как они установили контроль над своими территориями, а США отказывались признавать советский режим вплоть до 1934 г. Признание получали правительства, вообще не имеющие своей территории или находящиеся в прямой или не прямой зависимости от других правительств. Финансово интегрированный мир рождает новый тип признания, не требующий формальных актов и не зависящий от территориального контроля. В нем выделяются финансовая метрополия и финансовая колония, состоящая из финансово непризнанных государств, которые уступают в своем статусе многим крупным частным финансовым корпорациям.

Наконец, функциональный суверенитет представляет собой способность государства выполнять свои традиционные функции, прежде всего способность контролировать различные перемещения сквозь свои границы. В своей книге «Турбулентность в мировой политике» Дж. Розенау отмечал, что в настоящее время меняется сама природа международной системы, чему в немалой степени способствует тот факт, что резко сокращается число видов деятельности, которые отдельное государство может эффективно контролировать. Появляются новые проблемы, транснациональные по своей сути, которые государство уже не в силах решить [13]. Финансовая интеграция мира серьезно ослабляет функциональный суверенитет, так как технологические новшества снижают издержки коммуникаций и физического перемещения. Сегодня государства не могут полностью контролировать трансграничные перемещения капитала, утрачивая возможность осуществлять весь спектр своих традиционных финансовых функций, в частности проводить эффективную валютную политику. Данные процессы затрагивают сферу контроля, но не власти, поскольку государства не лишаются права управлять своими границами, несмотря на то, что финансовая интеграция серьезно ослабляет такую способность.

С позиций политического детерминизма финансовая интеграция мира есть следствие деятельности ряда государств и доминирующих в них групп интересов. Когда из неоднородных национальных пространств выделились одинаковые по своим параметрам финансовые пространства, сформировав собой глобальное финансовое пространство, все государства утратили часть своего суверенитета. Однако масштабы потерь разнились, что привело к появлению финансовой метрополии и финансовой колонии. Государства финансовой метрополии, пожертвовавшие небольшой частью своего суверенитета ради права устанавливать правила игры в глобальном финансовом пространстве, получили новые, финансовые инструменты международного влияния. Страны же финансовой колонии, потеряв из-за финансовой интеграции более значительную часть своего суверенитета, лишились возможности защищаться от

финансовых атак. Финансовая интеграция мира среди прочего оказалась необходимым условием для эффективного политического использования финансовых санкций.

1. Agnew J., Corbridge S. *Mastering Space: Hegemony, Territory and International Political Economy*. London: Routledge, 1995. P. 93.
2. Gilpin R. *The Challenge of Global Capitalism: The World Economy in the 21st Century*. Princeton: Princeton University Press, 2000. P. 19.
3. Sassen S. *Territory, Authority, Rights: From Medieval to Global Assemblages*. Princeton: Princeton University Press, 2008. P. 1.
4. Krasner S.D. *Sovereignty: Organized Hypocrisy*. Princeton: Princeton University Press, 1999. P. 9-25; Krasner S.D. *Abiding Sovereignty* // *International Political Science Review*. 2001. Vol. 22. № 3. P. 231-233.
5. Bodin J. *On Sovereignty: Four Chapters from The Six Books of the Commonwealth*. Cambridge: Cambridge University Press, 1992.
6. Гоббс Т. *Философские основания учения о гражданине*. М.: АСТ, 2001. С. 85.
7. Martin P., Mayer T., Thoenig M. *Civil War and International Trade* // *Journal of the European Economic Association*. 2008. Vol. 6. № 2-3. P. 542.
8. Ezcurra R., Rodriguez-Pose A. *Does Economic Globalization Affect Regional Inequality? A Cross-Country Analysis* // *World Development*. 2013. Vol. 52. P. 92.
9. Asal V. et al. *Political Exclusion, Oil, and Ethnic Armed Conflict* // *Journal of Conflict Resolution*. 2016. Vol. 60. № 8. P. 1343-1367.
10. Wolff C. *Jus Gentium Methodo Scientifica Pertractatum*. In Two Volumes / Ed. by J.B. Scott. Vol. 2. The Translation by Joseph H. Drake. Oxford: Oxford University Press, 1934. P. 131.
11. Vattel E. *The Law of Nations, Or, Principles of the Law of Nature, Applied to the Conduct and Affairs of Nations and Sovereigns, with Three Early Essays on the Origin and Nature of Natural Law and on Luxury* / Ed. by B. Kapossy, R. Whatmore. Indianapolis: Liberty Fund, 2008. P. 290.
12. Емузова Э.А. «Золотая инициатива» М. Каддафи как вызов новому мировому порядку // *Общество: политика, экономика, право*. 2016. № 2. С. 45.
13. Rosenau J.N. *Turbulence in World Politics: A Theory of Change and Continuity*. Princeton: Princeton University Press, 1990. P. 13.